

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И СЕМИДЕСЯТИ ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. ЛОССКОГО

Мы вспоминаем Владимира Николаевича Лосского в связи с исполнившимся в феврале этого года двадцатилетием его кончины и семидесяти пятилетием со дня рождения в июне того же, 1976 года. Интерес к богословскому наследию этого замечательного православного мыслителя необычайно возрос – причем не только в русской православной среде, но и на Западе: его труды получили широкую известность как в католических, так и протестантских кругах, и с высокой их оценкой не раз выступали видные представители западного богословия. Переиздание его трудов на французском и английском языках говорят об актуальности его богословия.

Посвятив всю свою жизнь делу ознакомления Запада с богословской традицией Православной Церкви, В. Н. Лосский явился как бы одним из тех живых камней веры, на которых постоянно создается здание всеобщего единения Христовой Церкви – в духе и истине, на основе единого святоотеческого предания, на основе жизненного творческого переосмысления в современных исторических условиях – неизменных по существу и непоколебимых вероопределений вселенского Православия.

Оставаясь всегда непримиримо принципиальным перед фактом позднейших догматических и канонических заблуждений западных церквей, В. Н. Лосский в то же время с искренней радостью и присущей ему человеческой широтой шел на диалог как с католическими, так и протестантскими богословами, стараясь при этом прежде всего обратить внимание своих западных коллег на то общее богословское наследие Святых Отцов, что и поныне объединяет разделенные церкви – и более того – указывая порой своим оппонентам на глубочайшие православные корни богословских концепций таких прославленных религиозных мыслителей Запада, как Фома Аквинский или Мастер Экхарт. Особо ценным качеством его богословской мысли было то, что, обладая необыкновенной общей историко-культурной эрудицией и выдающимся знанием не только восточной, но и западной богословской традиции, он умел взглянуть на Православие как бы сквозь призму западного церковного сознания – чтобы тем самым ярче, органичнее и убедительнее свидетельствовать перед Западом, нередко в привычных для западного богословствования категориях, непреходящую католическую истину Восточной Церкви.

* * *

В. Н. Лосский родился 8-го июня 1903 года, в день Святого Духа, в Геттингене, в Германии, где в то время его отец, известный русский философ Николай Онуфриевич Лосский жил с семьей из-за своих университетских занятий. (1). Мать Владимира Николаевича – Людмила Владимировна – была дочерью основательницы и директрисы хорошо известной в свое время в России женской гимназии, М. Н. Стоюниной: она помогала своей матери, работая в канцелярии гимназии. Петербургская квартира Лосских вместе с квартирой Стоюниной находилась при гимназии, живая связь с которой вносила в семью немало разнообразных впечатлений, а порой и волнений, давая богатую пищу воображению и любознательному уму подраставшего мальчика.

Семья Лосских была известна своими прогрессивными настроениями и достаточно скептическим отношением к хиревшему уже российскому самодержавию – именно родной семьей были заложены в В.Н. Лосском начала всегда присущей ему исторической трезвости и здорового европейского демократизма. Атмосферу той жизни и той среды, в которой рос мальчик, хорошо передает забавный анекдот – вполне в духе того переходного времени, сохранившейся в памяти его родителей. Летом 1905 года, когда Володе было всего лишь два года с небольшим, Стоюнина сняла дачу в Финляндии. В это же время в городке Юстила, неподалеку от дачи, собрался нелегальный съезд Союза русских учителей. Одно из заседаний съезда состоялось на стоюнинской даче. Входом в дом служила большая лестница, на которой и разместилось около ста участников съезда. И вот Володя, выглянув в окно и увидев на лестнице такое множество людей, воскликнул: «Батюшки! Ку-ту-туция!» (так у него получилось слово «конституция»). В это время борьба против самодержавия была уже в полном разгаре, и слово «конституция», по-видимому, часто повторялось в присутствии мальчика. Результатом этого трагикомического младенческого выступления было то, что в издававшемся тогда при консервативной газете Суворина «Новое Время» сатирическом листке появилось сообщение: в семье приват-доцента Петербургского университета Лосского первое слово, произнесенное его ребенком, стало слово «конституция».

Школьное образование Владимир получил в гимназии Шидловской и в гимназии Стоюниной, когда после революции в ней было введено совместное обучение девочек и мальчиков. Поступив затем на историко-филологический факультет, В. Н. Лосский слушал университетские лекции таких известных профессоров, как И. М. Гревс, О. Добиаш-Рождественская, Л. П. Карсавин. Однако, в связи с выездом в 1922 году семьи Лосских за границу, он продолжил свое образование уже в Карловом университете в Праге под руководством выдающегося русского археолога Н. П. Кондакова. Здесь, в Чехословакии, в небольшом городке Збраславе неподалеку от Праги, в 1924 году юному историку привелось выступить (на одной из так называвшихся «збраславских пятниц», где собирались оказавшиеся за рубежом деятели русской науки и культуры), с первым собственным докладом – о святом Франциске Ассизском,

что свидетельствует о возникшем у В. Н. Лосского еще в эту раннюю пору интересе к западному религиозному опыту.

Свое высшее образование он завершил уже в Париже, в Сорбонне. Здесь он, слушая лекции известного профессора Этьена Жильсона, всерьез увлекся историей средневековой философии, что окончательно определило его будущий творческий путь православного богослова, всегда широко открытого навстречу Западу. Лекции Э. Жильсона он и потом неустанно посещал как в Сорбонне, так и Коллеж де Франс – вплоть до войны, а по ее окончании – до отъезда Жильсона в Канаду. Здесь же, в Сорбонне, начинается его дружба с известным знатоком средневековья Ф. Лотом, благодаря которому В. Н. Лосский, начиная с 1927 года, получает возможность работать в «Bulletin du Gange».

Именно с этого времени у В. Н. Лосского возникает особый интерес к мистико-теософскому учению Мастера Экхарта, интерес, вылившееся в конце концов в большое исследование, над которым богослов работал до последнего дня своей жизни.

1928 год ознаменовался для В. Н. Лосского двумя важнейшими событиями: он венчается с Магдалиной Шапиро, «женщиной ума и сердца» (как писал о ней О. Клеман в книге «Другое Солнце»), ставшей его неотступной соратницей в служении вере, и второе – он вступает в учрежденное при Трехсвятительском подворье в Париже Православное Братство им. Святителя Фотия. Фотиевское Братство осознавалось В. Н. Лосским, как своеобразный православный орден, должный свидетельствовать на Западе, в первую очередь во Франции, о вселенском православии, «следы» которого еще во многом и поныне сохраняются «галликанской» традицией французского христианства.

В тридцатые годы В. Н. Лосский становится уже вполне зрелым богословом, принимающим, несмотря на свой сравнительно молодой еще возраст, самое активное участие в сложной жизни Православной Церкви на Западе. Так в 1930-1931 гг., когда часть русской эмиграции во главе с Митрополитом Евлогием вышла из юрисдикции Московской Патриархии (по чисто мирским соображениям), он оказался одним из самых непримиримых противников этого раскола, оставшись в рядах немногочисленной группы православных, сохранивших каноническую верность русской Матери-Церкви в лице Московской Патриархии. Вскоре В. Н. Лосский вступает в личную переписку с Блустителем Патриаршего престола Митрополитом Сергием (будущим Патриархом) к которому он всегда питал глубочайшее уважение – не только как к главе родной Церкви, но и как к человеку, «осуществлявшему дело, превышавшее всякие человеческие силы». (2). Поводом к этой переписке послужил выход в Париже в 1933 году книги прот. Сергия Булгакова «Агнец Божий», содержащий ряд ошибок в истолковании догмата Боговоплощения, на основе весьма модной тогда (и, к сожалению, находившей чаще всего ложное истолкование) «софиологии». Известно, что В. Н. Лосский болезненно переживал факт богословских заблуждений С. Булгакова, философа и богослова, к которому он относился с большим уважением, и чью богословскую

интуицию ценил достаточно высоко. Однако, сразу усмотрев в софианской системе С. Булгакова опасность некоего «христианского пантеизма», В. Н. Лосский начинает борьбу с «софианцами», в результате чего в 1936 году выходит из печати его первый значительный, хотя и небольшой по объему, труд – книга «Спор о Софии». По просьбе Митрополита Сергия он посылает ему подробный отчет о ходе и характере богословских споров, на что и получает немедленный ответ митрополита с осуждением софианских заблуждений Булгакова. Любопытна оценка книги В. Н. Лосского, данная тогдашним управляющим патриаршими приходами во Франции митрополитом Елевферием (в сохранившемся в архиве Московской Патриархии письме к Митрополиту Сергию): книга «хороша, сильна и содержательна» и «вызывала похвалу самого о. Булгакова за эрудицию ее автора» - вместе с сожалением, что последний «не состоит в среде богословствующих проблематиков». Действительно, книга эта – незаурядное явление русской православной мысли (к сожалению, быть может, даже еще недостаточно оцененной до сих пор); ее отличает особая трезвость, даже порой жестокость богословских определений, совмещаемая в то же время с какой-то молодой напористостью и почти задором. Сам В. Н. Лосский впоследствии в кругу друзей говорил, что если бы он писал эту книгу сейчас, он написал бы ее значительно мягче и не столь «воинственно». Уже незадолго перед смертью в беседе с западным богословом Луи Буайе он высказал ему «свою озабоченность тем, чтобы теперь, когда время несколько сгладило остроту полемики, о которой он, впрочем, никак не жалеет, отдать должное всему тому, что могло быть истинного в позиции противника, которого он так жестоко раскритиковал» (3).

Переписка В. Н. Лосского с Митрополитом Сергием продолжалась и позднее – в период участия молодого богослова в движении секции св. Иринея Лионского Фотиевского Братства по созданию общины Западного Православия, которое завершилось принятием в лоно Православной Церкви в 1936-1937 гг. известной христианской группы во главе с монсеньером Винартом – с сохранением западного обряда.

1930-е годы в жизни В. Н. Лосского одновременно явились и как бы подготовительным этапом к будущей основной его деятельности – к ознакомлению Запада с богословским богатством Православного Востока. В эти годы в печати появляются лишь два первых труда подобного рода, посвященные Дионисию псевдо-Ареопагиту (4); все время уходит на подготовительную работу, на глубокое изучение как восточной, так и западной патристики (в первую очередь псевдо-Ареопагита, Григория Паламы, Фомы Аквинского и Мастера Экхарта).

Время полного духовного созревания личности выдающегося богослова совпало с труднейшим периодом в жизни столь любимой им Франции, которую он считал как бы второй своей родиной – со страшными годами Второй Мировой войны. Он тяжело переживает поражение Франции, и, став с 1939 года французским гражданином, тщетно пытается воспользоваться теперь

полученным им правом вступить в армию. Пытаясь догнать хоть какую-нибудь воинскую часть отступающей французской армии и не теряя еще надежды, что Франция даст отпор вражескому нашествию, он проходит через всю страну – почти до Бордо. Увиденное им зрелище полного развала страны и духовного поражения французского народа нашло свое отражение в написанной им вскоре же небольшой повести «Семь дней по дорогам Франции», отличающейся незаурядными литературными достоинствами, а главное – проникнутой глубоко христианским духом в осмыслении и оценки исторической ситуации в Европе, ввергнутой в бесовский мрак человеконенавистнического фашизма; ужасы увиденного еще больше закаляют в нем веру в Божественный Промысл, проявляющийся в реальности живой истории; завершая повесть, он пишет: «Я проходил последний километр своего пути, и беспредельная усталость дорог Франции давила на меня всей горестной тяжестью всего, мной на них увиденного. Горести голода и жажды, жары и ливней, отчаяний и надежд, смертей от истощения и смертей насильственных, ужаса бомбежек и бегства от смерти, открытых пространств и убежищ, безумной паники и безудержного мужества, полного поражения и напрасных слов, величия слез и величия смирения, яростной жестокости и скромного человеческого внимания, одиночества и солидарности, печали ходьбы и остановок, приходов и уходов, начал и концов. Я оставлял за собой все эти горести, ужасы, величия и печали больших дорог, но во мне оставалась тоска по дорогам Франции. Они открыли мне и сокровища скорбей, и светящуюся в глубинах последнего отчаяния великую надежду; они научили меня узнавать Промысл Божий там, где мы видим одну случайность. Они раскрыли мне, что пути Божии – пути не наши, хотя и призваны мы следовать оными путями, как следовали по ним святые» (5). Как истинный христианин, он усматривает в трагедии своей второй родины прежде всего искупительный смысл; последние строки повести – это диалог страждущей души с Самим Господом, проникнутый глубочайшим смирением и одновременно – надеждой: горестно вопиет душа к своему Спасителю – «Господи, зачем ты хочешь наказать Францию? – Я наказую тех, кого люблю, поревнуйте и покайтесь. Вот, я стою у двери и стучу – «Господи, Твои слова жестоки для нашего слуха. Наши духовные вожди ничего подобного нам никогда не говорили. – Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов, и следуйте за Мной, ибо вы должны воссоздать Мою Церковь на западных землях. Вы будете Моими апостолами последних времен».

В христианской душе нет места унынию, страдания лишь закаляют ее для дальнейшей духовной борьбы; божественная благодать врачует раны и дает силы для победы над злом, и потому так естественно, что сразу за окончанием своей повести В. Н. Лосский обращается к живому свидетельству о явлении Божественной благодати, освящающей лежащий во зле мир: он переводит на французский язык известную «Беседу преп. Серафима Саровского с Мотовиловым о цели христианской жизни» - как напоминание о единственном спасительном пути для каждой человеческой души. Его христианский оптимизм

и столь присущая ему православная трезвость духа требуют от него реальных действий, и вот, уже с октября 1940 года, В. Н. Лосский состоит в рядах французского движения Сопротивления, и, в то же время, становится активнейшим участником собеседований французских философов и богословов, с жаром проповедуя непреходящесть христианских ценностей, давая отпор захватившим тогда многих эсхатологическим настроениям. Он начинает читать лекции о православном мистическом богословии, и издает в 1944 году один из ценнейших своих трудов – «Очерк мистического богословия Восточной Церкви».

С конца 1944 – начала 1945 гг. в жизни В. Н. Лосского наступает новый период: он становится инспектором и преподавателем курсов Догматического богословия и церковной истории во Французском Православном институте имени св. Дионисия (где работает до 1963 года), а также активно сотрудничает в журнале «Dieu vivant» («Бог Живой»), где печатает ряд чрезвычайно важных статей. В это же время он избирается в члены Ecole des Hautes Etudes (Школа высших исследований), где читает цикл лекций на тему «Видение Бога в патристическом и византийском богословии», посмертно изданных отдельной книгой под названием «Боговидение» в Париже в 1962 году. В послевоенные годы он возобновляет работу по изучению мистического учения Мастера Экхарта (труд этот под названием «Апофатическое богословие и познание Бога в учении Мейстера Экхарта» был также издан посмертно в Париже в 1960 году).

Работоспособность В. Н. Лосского в послевоенные годы просто удивительна: с научно-исследовательской деятельностью он совмещает работу в редакционной комиссии журнала «Вестник Патриаршего Экзархата», преподавание догматического и сравнительного богословия на богословско-пастырских курсах при Экзархате, принимает участие в диалоге с англиканами на происходивших в Англии съездах Содружества преп. Сергия и муч. Албания, где каждое его выступление воспринимается, как большое событие в богословской науке.

Высоко оценив его богословские труды, Московская духовная академия также воздала ему должное, удостоив его в 1952 году высшей ученой степени доктора богословия. Достигнув в это время полного расцвета всех своих духовных и творческих сил, В. Н. Лосский полностью отдается делу православного свидетельства: он принимает участие в конференциях «College philosophique» (философского колледжа), где читает доклады «Мрак и свет в познании Бога», «Апофаза и тринитарное богословие», «Роза и бездна» (понятие бытия у Мейстера Экхарта), «Богословие образа», издает совместно с Л. А. Успенским (желая ознакомить западных христиан с православным иконопочитанием) книгу «Смысл икон», включив в нее одну из лучших своих статей – «Предание и Предания», участвует в работе Августинского конгресса в Париже в 1954 году и во второй Оксфордской конференции по патрологии в 1955 году. 1956 год приносит ему особую радость: по приглашению Московской Патриархии он, в составе Русского Западно-Европейского

Патриаршего Экзархата приезжает, после 34 лет разлуки, в Россию, чтобы, хоть ненадолго, вновь прикоснуться отеческих святынь; посещение Москвы, Владимира, Киева и Ленинграда, живое единение с молящейся родной Церковью – оставили в его душе неизгладимый след. Свидание с родиной было как бы последним Божиим даром неутомимому труженику Господней нивы, ибо жить В. Н. Лосскому оставалось уже немного. С юности он страдал пороком сердца и знал, что, возможно, умрет молодым. Однако у него не было страха смерти – он знал, что христианство дает жизнь. Его перешедший в православие ученик и друг О. Клеман в своих воспоминаниях о нем в книге «Другое Солнце» пишет, что как-то 2-го ноября – в отмечаемый на Западе день поминовения всех усопших, В. Н. Лосский, «устав от невероятного количества хризантем для могил умерших, преподнес моей жене букет роз и сказал: «Я приношу цветы живым. Существуют только живые». За несколько дней до своей смерти он видел во сне самого себя умершим и спокойно взирал на свое мертвое тело. Он умер скоропостижно в Париже 7 февраля 1958 года, в день памяти св. Григория Богослова, и был похоронен на русском кладбище в С. Женеви́ев де-Буа. После его смерти остался ряд неизданных трудов, которые, благодаря усилиям друзей и коллег (как православных, так и католиков) были напечатаны на протяжении 1960-х годов. Многие его работы были переведены на английский и немецкий языки. За прошедшее двадцатилетие большая часть его трудов была переведена и на русский язык (обращаясь со своим свидетельством к западным христианам, В. Н. Лосский, как правило, писал на французском языке). Важнейшие его статьи неоднократно печатались в ЖМП и в «Богословских трудах» (№8 и 14), причем 8-й выпуск «Трудов» за 1972 год был целиком посвящен его памяти и содержал, наряду со статьями, такие две ценнейшие его работы, как упоминавшийся уже «Очерк мистического богословия» и курс лекция по догматическому богословию. В этом же выпуске был опубликован и предварительный погодный список работ выдающегося богослова. В 14 выпуске «Трудов» (1975 г.) были напечатаны четыре его статьи: «Анофаза и троическое богословие», «Богословие образа», «Богословское понятие человеческой личности» и «Догмат о непорочном зачатии» (критика римско-католического догмата).

Богословское наследие В. Н. Лосского – неоценимо. Помимо блестящей систематизации святоотеческого учения, в результате которой появились его учебные курсы догматического и сравнительного богословия, он занимался и творческой разработкой таких важнейших проблем православной догматики, как тринитарный вопрос (с критикой римско-католического «филиоклизма» (6), проблема искупления и обожения, вопрос о Божественной сущности и нетварных Божиих энергиях, богословское понятие человеческой личности, понятие соборности и кафолического сознания, вопросы мариологии, понятие церковного предания и многое–многое другое. Особый интерес представляют многочисленные его статьи, посвященные проблемам христианской гносеологии – в первую очередь роли апофатизма, как основного метода

православного богословствования – со времен Дионисия – псевдо-Ареопагита, через эпохи Симеона Нового Богослова и Григория Паламы вплоть до нашей эпохи.

В рамках небольшой мемориальной статьи мы не имеем возможности говорить о всей сложности богословской проблематики блестящие исследований В. Н. Лосского или, тем более, дать им необходимую глубокую оценку – это потребовало бы, в свою очередь, целого исследования, и мы убеждены, что со временем оно, безусловно, появится. Здесь же хочется сказать лишь несколько слов о самих принципах православного богословствования – так, как они понимались В. Н. Лосским, о которых он высказывался сравнительно часто, и которыми проникнута вся система его собственного богословского мышления.

Прежде всего, он утверждал, что богословие – это не спекулятивное мышление и не философствующая система; путь богослова исходит из Откровения, которое для человека – прежде всего личная встреча со Христом, и Его находишь потому, что Он идет к тебе навстречу. Его узнаешь, когда с Ним экзистенциально общаешься (запись лекции, прочитанной 11 октября 1957 г., приводится в статье О. Клемана (7)). Как-то на одной из лекций он заявил со свойственным ему веселым лукавством, что он предпочитает умственным спекуляциям *De Deo Uno* простодушное заявление маленькой девочки, которая на вопрос – что такое Бог? – сказала: «*Dieu, mais c'est un Monsieur!*» - (Бог – это же Господин!). (8). Богословие, утверждал он, есть всегда акт веры, живая связанность с Откровением, в котором инициатива принадлежит Богу, но которая предполагает ответ человека. (Запись лекции 11 октября 1957 г.). Именно на основе этой связи православная мысль получает возможность спасти все богатство мысли человеческой – но только в том случае, если богословие – не умственная спекуляция, а то «экзистенциальное» знание, которое совершенно вовлекает всего человека, ставит его на путь соединения с Богом и побуждает человека изменяться, преобразовывать свою природу, чтобы дойти до действительной «гнозы» - духовного созерцания Пресвятой Троицы (Очерк мистического богословия Восточной Церкви, «Богословские труды», выпуск 8, М., 1972, стр. 124).

Во введении к курсу истории догмата В. Н. Лосский писал: «Путь христианской мысли – это не только Истина, поднимающая нас над всяческими конфликтами человеческих мнений, он также Жизнь, а кто говорит «Жизнь», тот говорит «борьба»: христианская истина – не нейтральная зона, она – завоевание... Недостаточно излагать абстрактную доктрину, недостаточно знать; здесь надо принимать участие, надо вливаться в то, чему учишься, надо неустанно обновлять это знание, потому что жизнь требовательна, и не мертвая доктрина учебников богословия может дать ей удовлетворение» (Курс истории догмата, тетрадь 1, стр. 2 (9)). Соответственно В. Н. Лосский считал, что богословие должно было бы быть не образом мысли, а мыслью – распятого и спасенного Откровением – человеческого ума. Ставя во главу угла всякого

христианского умственного исследования соборный мистический опыт Церкви, он всегда резко выступал против какого-то ни было противопоставления богословия мистике (что он считал особенно характерным для позиции протестантских богословов) и утверждал, что «Богословие и мистика отнюдь не противопологаются; напротив, они поддерживают и дополняют друг друга. Первое невозможно без второй: если мистический опыт есть личностное проявление общей веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым. Вне Истины, хранимой всей Церковью, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности; это было бы смесью истинного и ложного, реального и иллюзорного, это было бы «мистицизм» в дурном смысле этого слова. С другой стороны, учение Церкви не имело бы никакого воздействия на человека, если бы оно как-то не выражало внутреннего опыта Истины, данного в различной «мере» каждому верующему. Итак, нет христианской мистики без богословия, и, что существеннее, нет богословия без мистики... Таким образом, мистика рассматривается в данном случае, как совершенство, как вершина всякого богословия, как богословие «преимущественное» (10). Исходя из подобной трезвой оценки всей сложности взаимоотношений в человеческом мышлении, так сказать, начал рационального и иррационального, В. Н. Лосский делал три основных вывода для себя, как богослова.

Первое: он всегда смиренно признавал, что в отличие от гнозиса, где познание само по себе является целью гностика, христианское богословие не есть самоцель, а только средство, только совокупность богооткровенных знаний, которые служат цели, превосходящей всякое знание – т.е. соединению с Богом, или обожению – и отсюда следует парадоксальным образом заключить, что христианская теория имеет «значение в высшей степени практическое и чем мистичнее эта теория, чем непосредственнее устремляется она к высшей своей цели – к единению с Богом – тем она «практичнее» (11).

Вторым следствием такой богословской позиции было постоянное сознание В. Н. Лосским ограниченности нашего Богопознания, а отсюда – и всякого богословствования, которое только в апофатическом смирении, без какого бы то ни было самодовольства разума, может восходить к познанию непознаваемого по своей сущности Бога: «Всякая богословская доктрина, претендующая на совершенное уточнение богооткровенной тайны, неизбежно становится ложной: самым фактом своей претензии на полное знание она противоречит той полноте, в которой познаешь Истину лишь отчасти» (12).

Вместе с тем подобная ограниченность нашего разума не предполагает отсюда отсутствия возможности для него четкого формулирования, в свойственных разуму категориях, богооткровенных истин: Дух Святой, данный нам в таинстве миропомазания и являющийся нашим постоянным Тайноводителем на апофатическом пути богопознания, сообщает учению Церкви «внутреннюю достоверность, жизнь, тепло, свет, присущие христианской истине. Без Него догматы были бы абстрактными истинами,

обязательными предписаниями, навязанными извне слепой вере, доводами, противными разуму, принятыми по послушанию и затем приспособленными к нашему пониманию, а не Богооткровенными тайнами, началами нового познания, раскрывающего в нас и уготовляющего нашу природу к созерцанию реальностей, превосходящих всяческое человеческое разумение» (13).

И, наконец, третьим принципом православного богословствования В. Н. Лосский, сознавая незыблемость церковных догматов, и будучи сам глубоко в них укорененным, считал неременным творческое к ним отношение, новое их восприятие и переосмысление – в современных жизненных условиях, при этом ни на йоту не отрекаясь от зафиксированной в догмате Богооткровенной Истины. Утверждая онтологическую «мета-историчность» догматов, он всегда выступал против какого бы то ни было поверхностного приспособления их к новой исторической реальности – в «духе века сего», и тем более – против проявляющихся иногда на Западе тенденций к сентиментальному «адогматизму» - как якобы возможной платформе для будущего воссоединения разделенных ныне церквей. В одной из своих статей В. Н. Лосский писал: «Для того, чтобы мы могли отвечать на запросы настоящего, необходимо переоценивать истины, утвержденные Церковью в прошлом, это верно. Но такая переоценка никогда не обесценивает: она придает новую ценность тому, что было сказано в иных исторических условиях в прошлом. Историк всегда будет высказываться по поводу этих условий, всегда будет говорить об «исторической» приложимости догмата, но не ему, историку, судить о самом качестве догмата как такового. Иначе историческое богословие могло бы превратиться в «серого кардинала» Церкви или, скорее, в ее «светского кардинала», мечтающего установить новый канон церковного Предания методами секуляризованной науки. Только если бы Предание было для Церкви не живой реальностью Откровения в Духе Святом, а чем-то иным, этот своеобразный цезарепапизм ученых, если бы им удалось навязать его Церкви, смог бы стать для нее авторитетным» (14).

Этих трех принципов: живой связи с Богом, даруемой Церковью, христианского служения разуму и творческого раскрытия богооткровенных истин на основе соборного догматического опыта - и придерживался сам В. Н. Лосский в своем богословствовании.

Естественно, что богословская мысль такого человека, каким был В. Н. Лосский, должна была корениться в незаурядной литургической и внутренней духовной жизни, о чем мы находим немало свидетельств в воспоминаниях о нем его родных, близких друзей и коллег. И ныне, молитвенно поминая светлую память этого выдающегося богослова, труды которого буквально на наших глазах приобретают все большее и большее значение, становясь «классикой» православной богословской мысли XX века, мы хотели бы помянуть его и просто как замечательного русского человека, отдавшего всю свою жизнь служению родной Матери-Церкви. Именно поэтому мы позволим себе заключить эту краткую статью выдержкой из воспоминаний о нем его друга О

Клемана, в которых, как нам кажется, достаточно ярко выступает глубоко человеческий образ покойного богослова и внутренняя красота его личности: «Это был церковный человек в полном смысле этого слова. По существу, богословская мысль такого человека, каким был В. Л., коренится в литургической и духовной жизни совершенно особого качества. Необычайно застенчивый и еще более скромный, он не только не высказывался по этому поводу, но если и позволял себе некоторую откровенность, то лишь для того, чтобы подчеркнуть свои недостатки. Я ограничусь несколькими воспоминаниями, которые могут подтвердить все его друзья. Это был церковный человек в полном смысле этого слова. Мирянин, сознающий полную свою ответственность за Истину. Другие вспомнят о его борьбе, о его верности Московскому Патриарху, о его длительном подвиге свидетельства на Западе о Православии, утверждающего себя как Православие Вселенское. Но я хотел бы сказать о его повседневной жизни. Причащался он каждое воскресенье, решительно утверждая, что на службе Евхаристии нельзя присутствовать «в качестве зрителя». Он смиренно подходил к «источнику бессмертия»; только сильные, - говорил он, имея в виду египетских пустынножителей, - могли лишь раз в жизни принимать Евхаристию, потому что, благодатно преобразовав всю свою жизнь, они принимали Евхаристию как огонь обожения». И именно по отношению к этому огню, судящему и дающему обожение, он выказывал безграничное и столь глубоко характерное для Православной Церкви почитание. Особенно любил он Воскресные Всенощные, потому что – подчеркивал он, - в них только одно славословие: «Слава Тебе, Господи, Слава Тебе». На Евхаристическую вечерю верующий приходит получать. За Всенощной он только славит и ничего не просит взамен. Этот православный богослов, хотевший любить Бога «чистой любовью», не отрицавший своего русского происхождения и желавший быть настоящим французом, действительно вобрал в себя самое лучшее из духовного опыта, свойственного Франции, включив его в то Православие, которое «правое учение» осуществляет «правым прославленным». Он часто прислуживал за всенощной, нес свечу или подавал кадило. И делал это чрезвычайно просто. Но иногда он так уходил в молитву, что пропускал нужный момент; напоминание священника отрывало его от этого «литургического созерцания», - и вот он, как сконфуженный ребенок, почти бежал по храму. Также читал он в начале Утрени шестопсалмие. Вот в полумраке его силуэт воина, его глуховатый голос, читающий покаянные псалмы, в которых сквозь древнюю мольбу проступала особая отрешенность... Личную свою молитву он старательно скрывал. Но отрешенность действительно раскрывала его ко всему живому, - красоте, искусству, молодости, - и отрешенность эта пряталась в этой его раскрытости, и мы знаем, как часто прерывал он свой труд, чтобы пойти помолиться в храм св. Стефана на Горе у гробницы св. Женевьевы: этим ревностным общением с православной покровительницей Парижа он включал себя в сокровенное сердце Запада. Он носил с собой маленькое греческое Евангелие и читал его в свободные минуты,

для того, чтобы они не пропадали даром. Во время Великого поста перечитывал всю Библию, урывая время от работы, читая даже на улице... Мне хочется прибавить еще, чтобы дать некоторое понятие о его внутренней жизни, такой незаметной и сокровенной, одно личное воспоминание. В самолете, уносившем нас в августе 1956 г. в Москву, я увидел, сам того не желая, как он перебирает маленькие четки; это были четки из черных деревянных бусинок на металлической цепочке, какие носят старые католические богомолки, но ритм выдавал Иисусову Молитву... Когда, вскоре после его кончины, говорили в присутствии его дочерей о его любви к Церкви, к Православию, к России и Франции, одна из них сказала: «Я думаю, что больше всего он любил Бога». Она была права: все дело ее отца дышало дыханием прославления, скажем точнее – вся его мысль; и чем она была собраннее, яснее, точнее, тем больше она славилась. То, что, в сущности, привлекало его в Мэтре Эккарте, это, именно, озарение интеллекта любовью к Богу. Он очень любил приводить слова Максима Исповедника, что сердце богослова должно быть пламенным, а ум ясным. Для него «пустословие», о котором, вслед за Евангелием, говорит аскеза, относится совсем не к простой дружеской болтовне, а, именно, к слишком большой самоуверенности богослова. Вот почему он накладывал на себя, и именно в меру своего горения, настоящую аскезу мысли, развивая ее во все более нюансированной строгости и выразительности, одновременно более насыщенной и более простой. Иной раз, узнав о какой-либо неприятности, - например, о какой-либо трудности в церковной жизни, он с полуулыбкой намекал на «апатейя» - (бесстрастие). И для него оно было именно тем, чем всегда было в великой традиции Православия: созерцанием троичной тайны и мирным приятием своего ближнего. Этот, высокого ума, аристократ, приходивший в невероятный гнев от глупости, и в особенности от глупости «экклезиастической», стал человеком, который подходил к людям просто, терпел гневливых с молчаливой улыбкой, умел слушать и понимать, и помогать, не ранив человека. Его аристократизм стал подлинным аристократизмом души. Как он любил и уважал своих детей, своих друзей, что сделал он вместе со своей женой из своего дома: это было место, где никто никогда не чувствовал себя чужим, где в непрестанном движении дышала жизнь и любовь; сотни людей могут быть тому свидетелями. Его труды, его лекции, его откровенные признания – все носило отпечаток царственности христианина, мирянина, избравшего путь брака, но не сложившего с себя привилегий, то есть обязанностей своего царственного служения.

Да, для В.Л. богословие было действительно экзистенциальным знанием, неотделимым от света любви, сосредоточенным в неуклонном рвении, в динамическом постоянстве. И когда цитируют св. Григория Назианзина, то невольно думаешь о В.Л.: «Даже неясные тени Троицы приводят меня в восторг».*

Примечания

1. Биографическая заметка о В. Н. Лосском составлена на основании двух имеющихся в нашем распоряжении документов: а) Записка под названием «Со слов родителей В. Н. Лосского о его детстве и юности», удостоверенная его братом Б. Н. Лосским; б) Биографические данные (краткая сводка) в мемориальном выпуске Вестника русского западноевропейского Патриаршего Экзархата, № 30-31, 1959 г. См. о В. Н. Лосском также: О. Клеман. Другое солнце, стр. 144-155; его же – Vladimir Lossky, un theologien de la personne et du Saint-Esprit (в указанном мемориальном выпуске Вестника РЗЕПЭ).

2. В. Н. Лосский. Личность и мысль Святейшего Патриарха Сергия. – Сб. «Патриарх Сергий и его духовное наследство». Издание Московской Патриархии, 1947, стр. 264.

3. Lotias Bodyer. D'un ami catholique... ВРЗ-ЕПЭ № 30-31, 1959, стр. 91.

4. Первая статья: La notion des "analogies" chez Denys le pseudo-Areopagite. (Понятие «аналогий» у Дионисия псевдо-Ареопагита) - "Archives d'histoire doctrinale et litteraire du Moyen-Age", t. V, annee 1930, Paris, Vrin 1931, p. 279-309; вторая: La Theologie negative dans la doctrine de Denys l'Areopagite. (Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита.) - "Revue des sciences philosophiques et theologiques", t. XXVIII, Paris, avril 1936, p. 204.

5. «Семь дней по дорогам Франции». Ла Борнь, 24 июня – 14 июля 1940 г. (рукопись, перевод с французского, стр. 60)

6. См. его статью: Исхождение Святого Духа в православном учении о Троице – ЖМП, №9, 1973, стр. 62-70.

7. См.: О. Clement. Vladimir Lossky, un theologien de la personne et du Saint-Esprit - Вестник РЗ-ЕПЭ, №30-31, 1959 г., стр. 139.

8. Там же, стр. 140.

9. Цит. Там же, стр. 138.
10. Очерк мистического богословия... «Богословские труды», вып. 8, стр. 10.
11. Там же.
12. La Tradition et les traditions. – “Der Sinn der Ekonen Berh und Olten, 1952, р. 20. (русс. Перевод: «Предание и предания» - ЖМП, 1970, №4, стр. 61-76).
13. Очерк мистического богословия... «Богословские труды», вып. 8, стр. 124.
14. Исхождение Святого Духа в православном учении о Троице – ЖМП, №9, 1973, стр. 62

Пер. с фр. Полторацкого Н.А.